

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.14>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 08.02.2016
Дата принятия статьи: 29.03.2016

СПЕЦИФИКА СРЕДСТВ ВНУТРЕННЕЙ ДИАЛОГИЧНОСТИ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА 1888–1894 гг.

Ольга Александровна Прохвятилова

Доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций,
Волгоградский государственный университет
12_09@mail.ru, stilvolsu@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Надежда Эдуардовна Фотина

Аспирант кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
Волгоградский государственный университет
nadezhda-fotina@yandex.ru, stilvolsu@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты исследования одного из типов диалогичности авторского повествования на материале прозы А.П. Чехова 1888–1894 годов. Выявлено, что ведущим средством создания внутренней диалогичности выступает несобственно-прямая речь. Установлен состав языковых сигналов несобственно-прямой речи. В число грамматических средств входят конструкции с различными глагольными формами, средства смены модального и темпорального плана, средства экспрессивного синтаксиса, неопределенные местоимения и наречия, указательные и усилительные частицы. В качестве лексических сигналов несобственно-прямой речи выступает графически оформленное и графически не оформленное «цитирование», при этом ведущим средством оказывается графически не оформленное «цитирование» стилистически окрашенной лексики и фразеологии, а также лексики с экспрессивно-эмоциональной окраской. Обнаружено существенное преобладание грамматических средств над лексическими, что соотносится с особенностями поэтики писателя и с его установкой на объективный тип повествования. Выделены важнейшие функции несобственно-прямой речи в чеховском повествовании 1888–1894 гг.: общая функция переключения повествования в речевой план персонажа и частные функции – выражения интеллектуальной оценки и передачи эмоциональной реакции персонажа.

Ключевые слова: художественный текст, чеховская проза, диалогичность, внутренняя диалогичность, средства создания диалогичности, несобственно-прямая речь, средства несобственно-прямой речи, функции несобственно-прямой речи.

Изучение феномена диалогичности приобрело актуальность во второй половине XX столетия в связи со становлением новой научной парадигмы, ориентированной на глобальный диалог и взаимодействие (см., напри-

мер: [2; 4 и др.]). Положение о диалогической природе мыслительной и речевой деятельности обусловило закономерное развитие функционально-коммуникативного подхода в лингвистике, согласно которому каждый текст,

будучи порождением акта коммуникации, должен рассматриваться с точки зрения прагматики не только адресанта, но и адресата.

Исследование категории диалогичности текста получило разнообразное и многоаспектное теоретическое обоснование [1; 5; 8; 12; 16; 17; 20 и др.]. В данной работе диалогичность понимается как речемыслительная функционально-семантическая категория, в которой проявляются те или иные признаки диалога (подробнее об этом см.: [16, с. 229–290]). В зависимости от соотношения релевантных признаков мы выделяем три типа диалогичности: внешнюю, внутреннюю и глубинную [16, с. 229–290].

Диалогичность прозы А.П. Чехова неоднократно становилась объектом изучения в работах литературоведов [7; 9; 11; 21], тогда как лингвистами проблемы художественной коммуникации в прозаических произведениях писателя практически не рассматривались. Данная статья отчасти восполняет этот пробел.

Материалом для исследования послужили художественные прозаические произведения А.П. Чехова, написанные в период 1888–1894 годов. Анализу подвергались те рассказы и повести, где в качестве основной формы авторского повествования используется форма 3-го лица, при которой фактический производитель речи не совпадает с ее субъектом, то есть изложение ведется условным, не персонифицированным повествователем. Структура третьеличного нарратива определяет потенциальную субъектную многоплановость художественного текста и тем самым, посредством введения «других» точек зрения и голосов, в наибольшей степени отражает его диалогичность.

В качестве единицы наблюдения избраны текстовые фрагменты, содержащие диалогические языковые формы. Общий объем проанализированного материала составляет 15 печатных листов.

По нашим наблюдениям, в прозе А.П. Чехова находят отражение два типа диалогичности – внешняя, связанная с направленностью речи на адресата и, соответственно, актуализацией «ты»-сферы модуса высказывания, и внутренняя, реализующаяся благодаря смене речевой позиции субъекта речи, то есть модификации

«я»-сферы модуса высказывания. В рамках данной статьи остановимся на вопросах, касающихся функционирования в чеховской прозе категории внутренней диалогичности.

Как известно, внутренняя диалогичность реализует в монологическом контексте один из основных признаков диалога – реплицирование, то есть обмен высказываниями, которые в порядке смены или прерывания передают реакции коммуникантов на смысловые позиции друг друга относительно предмета обсуждения [16, с. 258; 22, с. 44].

В нашем материале внутренняя диалогичность связана со сменой точек зрения в авторском повествовании. Она сводится к воспроизведению речи персонажа в рамках повествовательной структуры в форме прямой (внутренний монолог) и несобственно-прямой речи. При этом основной формой переключения повествования в план персонажа выступает несобственно-прямая речь (далее – НПР).

Известно, что НПР – это особая форма передачи чужого слова в художественном тексте. Для нее характерна совмещенность речевых планов повествователя и персонажа [19, с. 4], что позволяет освещать одно и то же явление одновременно с разных точек зрения [10, с. 66], благодаря чему возникает диалогичность текста, основанная на различиях в эмоционально-смысловой и стилистической окраске отдельных его частей [1, с. 10].

Структура НПР сама по себе гетерогенна, поскольку ее формируют единицы разных уровней [6, с. 3]. В чеховской прозе 1888–1894 гг. НПР оформляется с помощью комплекса лексических (13 %) и грамматических (87 %) средств.

К грамматическим маркерам НПР исследователи обычно относят средства смены темпорального плана повествования, различные модальные конструкции, восклицательные и вопросительные предложения, лексические повторы, неопределенные местоимения, наречия и частицы. Однако в имеющихся на сегодняшний день работах номенклатура грамматических средств НПР не дифференцирована и обычно дается общим списком.

В анализируемых произведениях используется весь спектр перечисленных грамматических средств. Вместе с тем представляет-

ся необходимым объединить их в несколько групп. Частотность употребления формирующих их конститuentов отражена в диаграмме.

Выявлено, что наиболее частотными средствами НПР (31 % употреблений от общего объема) являются конструкции с личными, безличными, инфинитивными, деепричастными и причастными глагольными формами. Данные конструкции представлены тремя типами:

1. Конструкция «глагольная форма + подчинительный союз / союзное слово» (69 %), в которой функционируют прежде всего личные, инфинитивные, деепричастные, а также – в единичных случаях – безличные и причастные формы, например:

Оба **чувствовали, что** они связывают друг друга, **что** они деспоты и враги, и злились, и от злости **не замечали, что** оба они неприличны и **что** даже стриженный Коростелев понимает все («Попрыгунья»).

2. Конструкция «глагольная форма + дополнение в косвенном падеже, указывающее на субъект» (17 %), в которой задействованы, как правило, безличные формы, например:

...и **ему захотелось** броситься вниз головой, не из отвращения к жизни, не ради самоубийства, а чтобы хотя ушибиться и одною болью отвлечь другую («Припадок»).

3. Конструкция «глагольная форма + дополнение в косвенном падеже, указывающее на субъект + подчинительный союз / союзное

слово» (14 %), в которой используются безличные и – значительно реже – инфинитивные глагольные формы, например:

Ей казалось, что если она ляжет, то Яков будет говорить об убытках и бранить ее за то, что она все лежит и не хочет работать («Скрипка Ротшильда»).

Как видно из примеров, для введения в повествовательную структуру текста «голоса» персонажа используются глаголы определенных лексико-семантических групп. В первую очередь это глаголы интеллектуальной деятельности, семантика которых связана с такими ментальными процессами, как мышление, память и знание; глаголы психической деятельности со значением желания, эмоционального отношения и эмоционального переживания (состояния); глаголы речи. Конструкции с такими глагольными формами могут служить для выражения интеллектуальной оценки и отображения хода рассуждений персонажа, а также для передачи его эмоциональной реакции на то или иное явление действительности и указания на его психологическое и эмоциональное состояние.

Вторая по частотности группа грамматических маркеров НПР включает средства смены модального плана повествования (28 %): безличные предложения, вводные слова и конструкции, обобщенно-личные предложения, предложения с формами сослагательного и условного наклонений.

В безличных предложениях главный член может быть выражен безлично-преди-

Частотность употребления грамматических средств НПР в прозе А.П. Чехова 1888–1894 гг.

кативным словом на *-о*; модальным безлично-предикативным словом либо безличным глаголом в сочетании с инфинитивом; отрицательным словом или выражающей отрицание конструкцией; личным глаголом в безличном значении, например:

(1) Качки нет, **тихо, но зато душно и жарко**, как в бане; **не только говорить, но даже слушать трудно**. Гусев обнял колени, положил на них голову и думает о родной стороне («Гусев»);

(2) ...и завидовала она, и **жалко ей было**, что она сама не грешила, когда была молода и красива («Бабь»).

Как видно из приведенных и подобных примеров, функционирование безличных предложений в качестве средства переключения в план персонажа обусловлено семантикой предиката, связанной либо с указанием на психическое, эмоциональное или физическое состояние персонажа, на его зрительное или слуховое восприятие (1), либо с передачей интеллектуальных и эмоциональных оценок героя (2).

Что касается вводных слов и конструкций, то в нашем материале наиболее частотными оказались те из них, семантика которых связана с выражением эмоциональных реакций и интеллектуальных оценок адресанта, указанием на порядок мыслей и их связь, а также на источник сообщения, например:

Что странного или мудреного, **например**, хоть в рыбе или в ветре, который срывается с цепи? **Положим**, что рыба величиной с гору и что спина у нее твердая, как у осетра; также **положим**, что там, где конец света, стоят толстые каменные стены, а к стенам прикованы злые ветры... Если они не сорвались с цепи, то почему же они мечутся по всему морю, как угорелые, и рвутся, словно собаки? Если их не приковывают, то куда же они деваются, когда бывает тихо? («Гусев»).

В приведенном примере речевой план персонажа маркируется вводными словами со значениями акцентирования (*например*) и допущения (*положим*). Они оформляют рассуждения персонажа, благодаря чему достигается эффект имитации непосредственного протекания его мыслительных процессов.

Маркировать появление «голоса» персонажа в чеховском повествовании могут и такие средства трансформации модальности, как обобщенно-личные предложения, а так-

же предложения с формами сослагательного и условного наклонений, например:

Если бы она могла предположить, когда выходила, что это так тяжело, жутко и безобразно, то она ни за какие блага в свете **не согласилась бы венчаться. Но теперь беды не поправишь** («Володя большой и Володя маленький»).

Приведенный и подобные примеры позволяют утверждать, что с помощью перечисленных средств смены модального плана эксплицируются интеллектуальная оценка персонажа, его эмоциональные реакции на происходящее.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволил установить, что третью по частотности группу грамматических средств НПР в чеховском повествовании образуют средства изменения темпорального плана повествования за счет появления глагольных форм настоящего или будущего времени (16 %), например:

Его **мучила** мысль, что он, порядочный и любящий человек (таким он до сих пор считал себя), **ненавидит** этих женщин и ничего **не чувствует** к ним, кроме отвращения («Припадок»).

Как отмечает А.В. Бровина, по отношению к речи автора эти формы имеют переносное значение и используются в значении прошедшего времени, однако «по смыслу они входят в речь персонажа и по отношению к его речи имеют прямое значение» [6, с. 16]. Функция смены глагольных форм времени заключается в переключении повествования в речевой план героя.

Четвертая по частотности группа грамматических средств НПР (14 %) включает такие элементы экспрессивного синтаксиса, как лексический повтор, восклицательные и вопросительные предложения, инверсия.

Согласно полученным данным, наиболее употребительными среди них являются лексические повторы служебных и самостоятельных частей речи, например:

(3) Он уже не думал **ни о** женщинах, **ни о** мужчинах, **ни об** апостостве («Припадок»);

(4) Вспомнилось опять, что за всю свою жизнь он ни разу не пожалел Марфы, не приласкал. Пятьдесят два года, пока они жили в одной избе, тянулись **долго-долго** <...> («Скрипка Ротшильда»).

Как видно из приведенных примеров, лексические повторы способствуют появлению несвойственной авторской манере изложения экспрессивности (3), что является сигналом переключения повествования в план персонажа. Кроме того, они могут указывать на субъективное восприятие происходящего персонажем (4).

Восклицательные и вопросительные предложения как субъектно-экспрессивные формы синтаксиса, маркирующие НПР в анализируемых рассказах А.П. Чехова, могут использоваться автономно либо сочетаясь друг с другом в рамках узкого контекста, например:

...воображение уносило ее в театр, к портнихе и к знаменитым друзьям. **Что-то они поделяются теперь? Вспоминают ли о ней?** Сезон уже начался, и пора бы подумать о вечеринках. **А Дымов? Милый Дымов! Как кротко и детски-жалобно он просит ее в своих письмах поскорее ехать домой!** Каждый месяц он высылал ей по 75 рублей, а когда она написала ему, что задолжала художникам сто рублей, то он прислал ей и эти сто. **Какой добрый, великодушный человек!** («Попрыгунья»).

Из приведенного примера видно, что с помощью восклицательных и вопросительных предложений передается эмоциональная реакция персонажа либо его интеллектуальная оценка происходящего.

Инверсия в анализируемом материале обычно используется для выражения значения приблизительности, например:

...Софья вышла за ворота и села на лавочку. Ей было душно, и от слез разболелась голова. Улица была широкая и длинная; направо **версты две**, налево столько же, и конца ей не видно («Бабы»).

В представленном примере с помощью инверсии положение дел описывается с позиции героини, ограниченной в объеме своих знаний, что свидетельствует о переключении повествования в речевой план персонажа.

Пятая по частотности группа грамматических средств НПР включает неопределенные местоимения и наречия (8 %). Они позволяют изобразить какое-либо событие, предмет или действующее лицо в объеме знаний персонажа, с учетом степени его осведомленности относительно происходящего, например:

Егор Семеныч и Таня сидели на ступенях террасы и пили чай. Они о **чем-то** говорили, но, увидев Коврина, вдруг замолчали, и он заключил по их лицам, что разговор у них шел о нем («Черный монах»).

Наконец, последняя группа грамматических средств НПР представлена указательными и усилительными частицами и местоимениями (3 %). В нашем материале релевантной оказывается прежде всего частица *вот*.

В указательной частице *вот*, как известно, заложено представление о зрителе, который наблюдает некую последовательность событий, сценическое действие, условием которого является единство времени и места [14, с. 12 и др.]. Эта указательная частица выступает в функции пространственного действия, благодаря чему возникает эффект «присутствия»: предмет или явление описываются как находящиеся в непосредственной близости от персонажа, а действие – как происходящее непосредственно перед его глазами. Именно поэтому исследователями отмечено, что указательный оттенок значения частицы *вот* помогает «оживить» повествование, сделать его реальным, представить в настоящем [13, с. 22; 21, с. 86].

В нашем материале указательная частица *вот* может выступать как в комплексе с противительным союзом *а*, открывающим предложение и усиливающим акцентирующее значение этой частицы, так и самостоятельно. В этих случаях частица *вот* является сигналом смены речевого плана, например:

Гусев не слушает и смотрит в окошечко <...> О лодку стукнулась другая лодка, пробежал паровой катер. **А вот** еще лодка: сидит в ней толстый китаец и ест палочками рис («Гусев»).

В сочетании с местоимениями или наречиями частица *вот* актуализирует ряд модальных значений, обусловленных отношением героя к происходящему, например:

Но **вот наконец** гости ушли, огни тушатся, хозяева ложатся спать («Спать хочется»).

В данном примере сочетание модальной частицы и модального наречия позволяет ей реализовать функцию передачи эмоциональной реакции персонажа на происшедшее.

В чеховской прозе НПР также может оформляться с помощью лексических средств языка (13 % от общего объема данных).

Говоря о единицах лексического уровня, маркирующих речь персонажа, исследователи, как правило, ограничиваются указанием на стилистически маркированную лексику, выделяющуюся на фоне нейтрального авторского повествования [3; 6; 15; 18 и др.]. В работах, посвященных изучению поэтики и стиля А.П. Чехова, также отмечается прием «цитирования» слов из прямой речи персонажа [21, с. 53] в виде «отдельных характерологических вкраплений» [11, с. 88].

В нашем материале лексические средства НПР представляют собой слова и словоформы, которые включены в структуру авторского повествования, однако воспринимаются как принадлежащие персонажу. «Цитирование» может быть графически оформленным (с помощью кавычек) (5) и графически не оформленным (6), например:

(5) Незаметно подошел Успенский пост, а за ним скоро и день свадьбы, которую, по настойчивому желанию Егора Семеныча, отпраздновали «**треском**» («Черный монах»);

(6) <...> на каждом лице он читал только выражение **обыденной, пошлой** скуки и ничего больше. **Глупые** глаза, **глупые** улыбки, **резкие, глупые** голоса, **наглые** движения – и ничего больше («Припадок»).

Ведущим средством, по нашим наблюдениям, является графически не оформленное «цитирование» (96 %), как правило, функционально-стилистически окрашенной лексики и фразеологии и в единичных случаях – экспрессивно-эмоциональной лексики.

Обычно в качестве сигналов НПР выступают лексические единицы, имеющие сниженную функционально-стилистическую окраску – разговорную или просторечную, например:

...для него теперь ясно было, что Марфа **померет** [прост.] очень скоро, **не сегодня-завтра** [разг.] («Скрипка Ротшильда»).

Экспрессивно-эмоциональная лексика представлена эмоционально-оценочными словами, которые выражают отношение говорящего к предмету речи. Благодаря семантике оценочности такие лексические

вкрапления идентифицируются как принадлежащие персонажу, а не автору-повествователю, например:

Он знал, что есть такие **безнравственные** женщины, которые под давлением **роковых** обстоятельств – среды, дурного воспитания, нужды и т. п. вынуждены бывают продавать за деньги свою честь («Припадок»).

Приведенный и подобные примеры дают основания утверждать, что функции таких лексических единиц заключаются в выражении интеллектуальной и эмоциональной оценки.

Иногда сниженные или эмоционально-оценочные лексемы могут сопровождаться глаголами речевого действия, которые, благодаря своей семантике, дополнительно привлекают внимание к «чуждому» авторской речи лексическому включению, указывая на то, что оно принадлежит персонажу, а не автору, например:

Легкий остроносый челнок, который все гости **звали душегубкой** [разг.] <...> бежал быстро <...> («Именины»).

Графически оформленное «цитирование» встречается значительно реже (менее 4 %) и указывает на смену речевого плана, например:

У него, как он говорит, «**разыгралась грыжа**» («Спать хочется»).

Таким образом, анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет констатировать, что в прозе А.П. Чехова 1888–1894 гг. наблюдается внутренняя диалогичность авторского повествования, которая сводится к воспроизведению речи персонажа в рамках повествовательной структуры текста. Установлено, что основной формой переключения повествования в план персонажа является НПР.

В качестве сигналов НПР выступают грамматические и лексические средства. При этом имеет место явное преобладание грамматических средств, что соотносится с особой художественной манерой писателя и его установкой на объективный тип повествования, в котором устранена субъективность повествователя и господствует точка зрения и слово героя.

В состав грамматических маркеров ННР входят несколько групп средств, из которых наиболее частотны подчинительные конструкции с различными глагольными формами и разнообразные средства смены модального плана.

Среди лексических средств ННР релевантными для прозы А.П. Чехова 1888–1894 гг. оказываются графически оформленное и графически не оформленное «цитирование» при преобладании последнего, которое представлено функционально-стилистически окрашенной лексикой и фразеологией, а также лексикой с экспрессивно-эмоциональной окраской.

Наблюдения над материалом дают основания говорить о важнейших функциях ННР. Переключая повествование в речевой план персонажа, ННР позволяет выразить интеллектуальные оценки персонажа и передать его эмоциональные реакции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, А. Ю. Диалогичность текста и категория связности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Арутюнова Анаида Юрьевна. – Ставрополь, 2007. – 22 с.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 4-е изд. – М. : Сов. Россия, 1979. – 315 с.
3. Беличенко, Е. Е. Несобственно-прямая речь в языке художественной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Беличенко Елизавета Евгеньевна. – СПб., 2006. – 19 с.
4. Библер, В. С. Мышление как творчество / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1975. – 199 с.
5. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 384 с.
6. Бровина, А. В. Сопоставительный анализ языковых средств выражения несобственно-прямой речи в немецком и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бровина Анна Викторовна. – Екатеринбург, 2009. – 26 с.
7. Громов, М. П. Книга о Чехове / М. П. Громов. – М. : Современник, 1989. – 384 с.
8. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Дускаева Лилия Рашидовна. – СПб., 2004. – 42 с.
9. Еремина, Л. И. Структура художественного текста: позиция автора, повествователя и персонажа в художественном тексте (на материале рассказов А.П. Чехова) / Л. И. Еремина // Структура лингвостилистики и ее основные категории : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : ПГУ, 1983. – С. 109–114.
10. Ковтунова, И. И. Проблема несобственно-прямой речи в трудах В.В. Виноградова (из истории отечественной мысли) / И. И. Ковтунова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 65–71.
11. Кожевникова, Н. А. Стиль Чехова / Н. А. Кожевникова. – М. : Азбуковник, 2011. – 487 с.
12. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1986. – 245 с.
13. Муминов, В. И. Стилистические функции частиц в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Муминов Владимир Исмаилович. – Владивосток, 2009. – 25 с.
14. Овчинникова, Т. Е. Пространственная метафора в семантике модальных частиц дейктического происхождения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Овчинникова Татьяна Евгеньевна. – М., 2009. – 24 с.
15. Прохвятилова, О. А. Возможности интерпретации художественного текста интонационно-звуковыми средствами (на материале художественного чтения прозы А.П. Чехова) : дис. ... канд. филол. наук / Прохвятилова Ольга Александровна. – М., 1991. – 226 с.
16. Прохвятилова, О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохвятилова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 362 с.
17. Прохвятилова, О. А. Функционирование средств внутренней диалогичности в научных текстах XX века (синхронно-диахронический аспект) / О. А. Прохвятилова, Е. Н. Вотрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2011. – № 2 (14). – С. 186–191. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2011.2.34>.
18. Ригато, С. Несобственно-прямая речь и ее формы во второй части романа Ю.К. Олеши «Зависть» / С. Ригато // Slavica tergestina: Studia russica. – 1998. – № 6. – С. 163–195.
19. Сысоева, В. В. Нарративный потенциал несобственно-прямой речи в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сысоева Валентина Владимировна. – Белгород, 2004. – 22 с.
20. Чубай, С. А. Диалогичность современной политической рекламы : дис. ... канд. филол. наук / Чубай Светлана Анатольевна. – Волгоград, 2007. – 218 с.
21. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. – М. : Наука, 1971. – 290 с.
22. Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Избранные работы: язык и его функционирование. – М. : Наука, 1986. – С. 17–58.

ИСТОЧНИКИ

Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – Т. 1–10. – М. : Наука, 1974–1977.

REFERENCES

1. Arutyunova A.Yu. *Dialogichnost teksta i kategoriya svyaznosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conservation Quality of the Text and the Category of Connection. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Stavropol, 2007. 22 p.
2. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [On Dostoevsky's Poetic]. 4th ed. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1979. 315 p.
3. Belichenko E.E. *Nesobstvenno-pryamaya rech v yazyke khudozhestvennoy literatury: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Indirect Self Speech in the Language of Fiction. Cand. philol. sci. abs. diss.]. St. Petersburg, 2006. 19 p.
4. Bibler V.S. *Myshlenie kak tvorchestvo* [Creativity in Thinking]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 199 p.
5. Bolotnova N.S. *Filologicheskiy analiz teksta: slovar-tezaurus* [Philological Analysis of the Text: Dictionary-Thesaurus]. 4th ed. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009. 384 p.
6. Brovina A.V. *Sopostavitelnyy analiz yazykovykh sredstv vyrazheniya nesobstvenno-pryamoy rechi v nemetskom i russkom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Comparative Analysis of Linguistic Means of Indirect Self Speech Expression in German and Russian. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Ekaterinburg, 2009. 26 p.
7. Gromov M.P. *Kniga o Chekhove* [The Book About Chekhov]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 384 p.
8. Duskaeva L.R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Dialogic Nature of Newspaper Speech Genres. Dr. philol. sci. abs. diss.]. St. Petersburg, 2004. 42 p.
9. Eremina L.I. *Struktura khudozhestvennogo teksta: pozitsiya avtora, povestvovatelya i personazha v khudozhestvennom tekste (na materiale rasskazov A.P. Chekhova)* [The Structure of a Literary Text: the Position of the Author, Narrator and Character in a Literary Text (Based on the Short Stories of Anton Chekhov)]. *Struktura lingvostilistiki i ee osnovnye kategorii* [The Structure of Linguo-Stylistics and Its Main Categories]. Perm, PGU Publ., 1983, pp. 109-114.
10. Kovtunova I.I. *Problema nesobstvenno-pryamoy rechi v trudakh V.V. Vinogradova (Iz istorii otechestvennoy mysli)* [Ideas on Indirect Self Speech in V.V. Vinogradov's Works (From the History of Russian Thought)]. *Voprosy yazykoznaviya*, 2002, no. 1, pp. 65-71.
11. Kozhevnikova N.A. *Stil Chekhova* [The Style of Chekhov]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 487 p.
12. Kozhina M.N. *O dialogichnosti pismennoy nauchnoy rechi* [About Conservation on Quality of Written Scientific Speech]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta, 1986. 245 p.
13. Muminov V.I. *Stilisticheskie funktsii chastits v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Stylistic Functions of the Particles in F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot". Cand. philol. sci. abs. diss.]. Vladivostok, 2009. 25 p.
14. Ovchinnikova T.E. *Prostranstvennaya metafora v semantike modalnykh chastits deikticheskogo proiskhozhdeniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Spatial Metaphor in Semantics of Modal Particle of Deictic Origin. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow, 2009. 24 p.
15. Prokhvatilova O.A. *Vozmozhnosti interpretatsii khudozhestvennogo teksta intonatsionno-zvukovymi sredstvami (na materiale khudozhestvennogo chteniya prozy A.P. Chekhova): dis. ... kand. filol. nauk* [The Possibilities of Interpretation of a Belles-Lettres Style Text Intonation and Sound Resources (Based on the Art of Reading Anton Chekhov's Prose). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1991. 226 p.
16. Prokhvatilova O.A. *Pravoslavnaya propoved i molitva kak fenomen sovremennoy zvuchashchey rechi* [An Orthodox Propagation and a Prayer as a Phenomenon of Modern Resonant Speech]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1999. 362 p.
17. Prokhvatilova O.A., Votrina E.N. *Funktsionirovanie sredstv vnutrenney dialogichnosti v nauchnykh tekstakh XX veka (sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt)* [The Functioning of External Dialogue Means in Scientific Texts of the 20th Century in the Aspect of the Synchronic-Diachronic Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznavie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2011, no. 2 (14), pp. 186-191. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2011.2.34>.
18. Rigato S. *Nesobstvenno-pryamaya rech i ee formy vo vtoroy chasti romana Yu.K. Oleshi "Zavist"* [Indirect Self Speech in the Second Part of the K. Olesha's Novel "Envy"]. *Slavica tergestina: Studia russica*, 1998, no. 6, pp. 163-195.
19. Sysoeva V.V. *Narrativnyy potentsial nesobstvenno-pryamoy rechi v khudozhestvennom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Narrative Potential of Indirect Self Speech in a Literary Text. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Belgorod, 2004. 22 p.
20. Chubay S.A. *Dialogichnost sovremennoy politicheskoy reklamy: dis. ... kand. filol. nauk* [Conservation Quality of Modern Political Advertising. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2007. 218 p.

21. Chudakov A.P. *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetic Manner]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 290 p.

22. Yakubinskiy L.P. O dialogicheskoy rechi [On Conservation Quality]. *Izbrannye raboty: Yazyk i ego funktsionirovanie* [Selected Works: Language and Its Functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 17-58.

SOURCES

Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. T. 1-10* [A Complete Collection of Works and Letters. In 30 vols. Vol. 1-10]. Moscow, Nauka Publ., 1974-1977.

**SPECIFICITY OF INTERNAL DIALOGUE MEANS
IN A.P. CHEKHOV'S PROSE OF 1888-1894**

Olga Aleksandrovna Prokhvatilova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of Department of Journalism and Media Communications,
Volgograd State University
12_09@mail.ru, stilvolusu@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Nadezhda Eduardovna Fotina

Postgraduate Student,
Department of Journalism and Media Communications,
Volgograd State University
nadezhda-fotina@yandex.ru, stilvolusu@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The paper presents the study results of one of the dialogue types typical of author's narrative in A.P. Chekhov's stories written in 1888-1894 – the indirect self-speech. It is stated that the indirect self-speech is a major means of creating internal dialogue. The article offer a set of various language signs that point to the indirect self-speech realization. Grammatical means include constructions with different verbal forms, expressive syntax, means of changing modal and temporal aspects, and indefinite pronouns, adverbs, demonstrative and intensifying particles. Lexical signals of the indirect self-speech are being represented both graphically and with citations that are not marked graphically by the author. It is revealed that the citations prevail in the texts under study and are characterized by stylistically marked words and phrases, by vocabulary with expressively marked emotions. The essential predominance of grammatical means over lexical ones is discovered and attested to the specificity of the writer's style and the need to achieve the effect of objectiveness in narration. The main functions of the indirect self-speech in A.P. Chekhov's works of 1888-1894 are set out, a general function of switching the narration into a personal speech of a personage and some secondary ones that include logical evaluation as well as presenting emotional reaction of a personage.

Key words: belles-lettres style text, Chekhov's prose, dialogue, internal conversation quality, means of internal conversation realization, indirect self-speech, means of indirect self-speech realization, functions of indirect self-speech.